

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ НОВОВРЕМЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Равочкин Никита Николаевич

К.ф.н., доцент, Кемеровский государственный
сельскохозяйственный институт
nickravochkin@mail.ru

POLITICAL AND LEGAL MODERN INSTITUTIONS ONTOLOGICAL AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS

N. Ravochkin

Summary. In this paper, the author attempts to comprehend the ontological and axiological foundations of the topic of modern political and legal institutions that he develops. An appeal is made to the works of the classics and modern authors. Analyzed modern approaches to understanding the nature of political and legal institutions. The contribution of each direction is noted. In accordance with the logic of the work, the outlines of the foundations were found. The necessary explanations and clarifications are given. In conclusion, the author determines the results of the work and gives the foundations.

Keywords: political and legal institutions, ontological bases, axiological bases, New time, society.

Аннотация. В настоящей работе автор предпринимает попытку постижения онтологических и аксиологических оснований развиваемой им темы нововременных политико-правовых институтов. Производится обращение к трудам классиков и современных авторов. Проанализированы современные подходы к пониманию природы политических и правовых институций. Отмечен вклад каждого направления. В соответствии с логикой работы найдены контуры рассматриваемых оснований. Даются необходимые пояснения и уточнения. В заключение автор определяет подводит итоги работы и приводит искомые основания.

Ключевые слова: политико-правовые институты, онтологические основания, аксиологические основания, Новое время, общество.

Философское осмысление сущности политических и правовых институтов приводит к необходимости понимания фундаментальных оснований, которые фундируют возникновение, формирование и развитие тех или иных политических и правовых институтов. Необходимо отметить, что конкретная историческая эпоха в определенной степени влияет на обозначенные основания, что влечет за собой определенную идейную детерминацию и задает логику политико-правовых процессов. С авторской точки зрения, именно в рамках новоевропейской мысли появляются качественно иные, чем в предыдущие эпохи, онтологические и аксиологические основания политических и правовых институтов, позволившие им стать прототипами современных институций. К примеру, в XVII в. формируются либертарианская концепция права и теория общественного договора, ставшие философскими основаниями формирования современных политико-правовых концепций и понимания феноменов политики и права по отдельности и в синкретизме.

Имеет смысл начать с онтологических оснований. Анализируя философский дискурс Нового времени, фундаментом формирования, существования и развития политико-правовых институтов становится спор между эмпириками и рационалистами о субстанции.

Сущность данной философской проблемы сводится к объяснению внешнего разнообразия предметов окружающего мира с сохранением естественного тождества всех предметов мира. Речь идет о том, что субстанция представляет собой основание, материал, из которого состоит все предметы нашего мира. Субстанциальный подход к решению политико-правовых проблем можно наблюдать в корпусе философских работ от Аристотеля до Г.В.Ф. Гегеля. К примеру, Б. Спиноза понимает под субстанцией существующее само по себе и представляющееся само через себя, а любой предмет, в том числе и личность, представляет собой модус, состояние субстанции, наделенное совокупностью атрибутов, т.е. свойств, определяющих неповторимость конкретного состояния субстанции [12, с. 361]. Таким образом, субстанциальное прочтение проблемы политико-правовых институтов предполагает наличие изначально данного субъекта, изначально имеющихся норм, правил и принципов поведения, которые определяют сущность своих производных, модусов, то есть связи политического и правового со всеми возможными субъектами, которые являются элементами соответствующих систем общества и государства.

Рационализм и эмпиризм как методологические программы Нового времени по-разному объясняли

познавательный процесс человека, а также решали вопрос о сущности субстанции и ее существовании. Напомним, что эмпирики в качестве метода достоверного познания, дающего возможность получить истинное знание, обращались к эксперименту, чувствам либо солипсизму. Гносеологические идеи эмпиризма приводят к возникающей критике субстанции, суть которой в следующем: не существует все то, что не воспринимается в чувственном опыте или не познается в процессе эксперимента. Более того, восприятие конкретных субстанций без дальнейшей обработки данных не позволяет достигнуть результатов познания — истинного знания. Отсюда следует, что политические и правовые институты не имеют субстанциального основания, поэтому могут быть сформированы в соответствии с практикой, природа которой видна в повседневных практиках, а также исходит из гражданских взаимоотношений в процессе социального и политического взаимодействия. Это с легкостью объясняет тезисы Т. Гоббса о необходимости организации сильной политической власти: опыт «войны всех против всех» приводит британского мыслителя о борьбе с войной людей друг против друга. Подобная логика оставляет возможность варьировать степень вмешательства суверена в совместные дела людей и их взаимоотношения. В данном случае речь идет о том, что политической устройством государства и общества как совокупности политических институтов и система правовой действительности может зависеть от всей совокупности взаимоотношений граждан. Это означает и различия между типами государственной власти в тех или иных государствах. Точно такой же подход становится характерным при определении сущности политико-правовых институтов, формирующихся исходя из системы плюральных социальных отношений в их привязке к конкретному обществу и государству.

Другое онтологическое основание рассматриваемых институтов исходит, на наш взгляд, из современного понимания природы человека, отсылающее нас к обладанию человеком определенной самостью, детерминирующей его социальное бытие. В философском дискурсе данного периода складываются две диаметрально противоположные концепции понимания самости человека. Так, в рамках представлений Локка и Юма, появляется эмпирическое «единство самости». В «Опыте человеческого разума» Локк отмечает, что проблема самости заключена в попытках определить пути «сохранения» во времени персональной идентичности. Единственным конститутивным качеством как средства поддержания идентичности выступает самосознание [4]. По этому поводу британский солипсист Дэвид Юм писал: «без сомнения, в философии нет вопроса более темного, чем вопрос о тождестве и природе того объединяющего принци-

па, который составляет личность (person). Мы не только не можем выяснить этот вопрос при помощи одних наших чувств, но, напротив, должны прибегнуть к самой глубокой метафизике, чтобы дать на него удовлетворительный ответ, а в повседневной жизни эти идеи о нашем я и о личности, очевидно, никогда не бывают особенно точными и определенными» [13, с. 377]. Из этого положения следует, что тождество субстанциальному Я, приписываемое человеческому уму, является не чем иным, как фикцией воображения. Вопросы личного тождества несут в себе неразрешимый характер и, как следствие, невозможность фиксации постоянных свойств человека. Логическим следствием эмпирической концепции самости человека становится тезис о том, что политические и правовые институты оформляются и, вероятней всего, трансформируются в зависимости от свойств человека, которые формируются здесь и сейчас, то есть познаются только эмпирическим путем. В результате онтологические основания не могут игнорировать свойства людей в социуме, обобщенно создающих политический и правовой мир в их привязке к контексту.

Суть рационалистической концепции самостийности отчетливо проясняется И. В. Милициной: «методологическое обретение рационализмом Нового времени (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц) предельного идентифицирующего начала позволило начать систематическую разработку проблемы синтеза чувственно-предметной и рационально-предметной сторон бытия и познания человека» [9, с. 177]. Здесь впервые в истории философии возникает проблема человека как субъекта, который существует сам по себе и формируется благодаря рациональному осмыслению самого себя. Мысль, *Cogito*, становится основой человеческого бытия, образующая в нем принципиально важные структуры его социального, а следовательно — политического и правового бытия. Так, декартовский принцип сомнения, определяет необходимость отсекаания несущественных свойств человека, с которыми он себя отождествляет. При таких обстоятельствах, человек, вступая в различные отношения, так или иначе, свои действия на рациональных началах. Итак, второе онтологическое основание рассматриваемых институтов отчетливо проявляется в отсутствии субстанциального основания человека, практической деятельности природы их формирования в конкретных сферах с сочетанием рациональных начал.

Выявленные положения имеют свои преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести, во-первых, утверждение самодостаточности политической и правовой систем в каждом государстве и, соответственно, каждого отдельной личности как модуля субстанции. Во-вторых, автономия человека и, как

следствие,— автономия институтов как социально-политических субъектов, независимость от других образований обуславливает представления о личностных началах общественного блага. К недостаткам данного подхода, с нашей точки зрения, можно отнести наличие заранее заданных свойств и качеств социального субъекта, заключенных в рамки «принципиальной неизменяемости» с течением времени. Пришедшее на смену средневековому и ренессансному качественно иное мировоззрение приводит к тому, что политические и правовые институты становятся своего рода «заложниками» идейных проектов и методов эпохи Модерна [7, с. 140], игнорирующих их возможные последующие модификации. Самость человека и формируемая в соответствии с ней самость институтов в определенном смысле статичной конструкцией, в которой весьма трудно усмотреть процессуальную сторону. Вполне вероятно, что одностороннее видение может привести к пониманию неспособности политических и правовых институтов быть максимально эффективными для решения актуальных проблем с учетом социальных трансформаций. Эмпирическая программа институционального оформления оказывается не всегда эффективной для достижения максимального результата и пользы, которая может быть получена от их функционирования. В свою очередь рациональная программа, вне сомнения, выявляет основные положения функционирования институтов как таковых, но не способна на практике реализовать решения возникающих проблем.

Продолжая исследование, обратимся к аксиологическим основаниям. Одним из таковых становится ценность разумности. Своими истоками это основание имеет идеологическую и концептуальную картину, в рамках которой значимость отдается научному подходу при изучении социального устройства со всем его институциональным многообразием. Имеется в виду, что в новоевропейской культуре обозначается примат научного познания с соответствующим противопоставлением разума вере через указание его в качестве источника познавательной деятельности человека. В результате развития спор между представителями эмпиризма и рационализма [2] приводит к обособлению не только производного из данной ценности принципа научной обоснованности, но и закладывает принцип дискурсивности для социальных феноменов. Такое обоснование используется в области политики и права становится фундаментом справедливого и равного положения людей в государстве. Можно утверждать, что Т. Гоббс и Дж. Локк как сторонники теории общественного договора и представители философии Нового времени показывали, что в системе войны всех против всех по причине природного равенства людей становится разумным формирование политического

образования (государства с его основными политико-правовыми институтами) для реализации принципа безопасности людей, совместно проживающих в одном государстве.

Обращаясь к гоббсовской концепции государства, обнаруживаем следующее. Английский мыслитель не согласен с Аристотелем в том, что человек — существо социальное, которое хочет и стремится жить в обществе и получать удовольствие от факта существования. Т. Гоббс считает, что только сильная верховная власть может и способна организовать жизнь людей в обществе. Английский мыслитель убежден, что «пока люди живут без общей власти, держащей всех в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии всех против всех» [3, с. 87]. Это в том числе объясняет и нехарактерное для людей трудолюбие со всеми его результатами труда. Единственное реальное — это страх, причиной которого является постоянная опасность насильственной смерти. Здесь нет места для творчества и человеческой активности, а есть место только для одиночества, бедности и краткости человеческой жизни. Более того, находясь в состоянии «войны всех против всех», человек совершенно не может различить правильное и неправильное, справедливое и то, что не является справедливым. Причиной тому становится отсутствие универсальных критериев оценивания и решения поставленных вопросов [5, с. 55–56]. Единственной мерой правильности и справедливости становятся личные влечения конкретного человека, свидетельствующие о ярко выраженном субъективном начале в оценках. В обществе, в котором нет закона и его гаранта (политических и правовых институтов, гарантирующих исполнение законов), отсутствует основание для выделения объективных критериев справедливости. Таким образом, в своем естественном состоянии человек выглядит несколько ущемленным, а выход из него возможен благодаря страстям и разуму. Под первыми понимаются желание приобретения конкретных, а порой и абстрактных вещей, обладание которыми ассоциируется у него с более качественной жизнью, различного рода надежды и ожидания персонально значимых событий и, конечно, страх перед самой смертью. При этом функция разума заключена в потенциале поиска условий мира, при помощи которых люди смогут достичь соглашения. Гоббс определяет такие договоренности как «естественное право», придавая им значение свобод «всякого человека использовать собственные силы по своему смотрению для сохранения собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что по его суждению является наиболее подходящим для этого» [3, с. 89].

Мы видим, что «свобода» определяется как отсутствие внешних и внутренних препятствий. Здесь следу-

ет нам оговориться и указать на тот факт, что принцип свободы как основание естественного состояния человека предполагает борьбу за удовлетворение всех своих потребностей. В силу того, что все люди находятся в равном положении, все стремятся достигнуть и реализовать собственные страсти, но, понимая, что удовлетворение всех потребностей повлечет за собой трудности для собственной жизни, приходится формировать политические и правовые институты для уравнивания всевозможных возможностей всех людей. В результате можно сделать вывод о том, что разумность представляет собой одну из базовых ценностей политических и правовых институтов в эпоху Нового времени. Именно благодаря разумности формируются необходимые и содержательные законы как нормативно-правовые акты и формируются соответствующие политические институты, к которым можно отнести в первую очередь суверена.

Дальнейшая логика размышлений Т. Гоббса проста — причиной формирования политических и правовых институтов становится стремление человека к обеспечению безопасности. Мотивацией такого стремления выступает страсть сохранения жизни. В силу того, что каждый стремится выжить, и формируются изучаемые институты, гарантирующие безопасность человека и становящиеся ценностью. Значимость безопасности в либертарианской концепции воплощается в идее сущности закона. Так, Т. Гоббс формирует следующее определение естественного закона: он есть «предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, или пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [3, с. 89]. Данное определение естественного закона содержит в себе истолкование происхождения государства и права: поскольку в естественном состоянии каждый имеет право практически на все что угодно, в том числе и на жизнь другого человека, всякий человек должен добиваться безопасности для себя через стремление достичь мира. В этом и выражается естественное право человека на защиту себя всеми возможными способами. Как следствие — индивид для достижения своей первой цели должен отказаться от права делать все, что захочет в пользу сохранения мира и самозащиты, при этом «довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе» [5, с. 56].

Соответственно, можно сделать вывод, что политико-правовые институты формируются и с целью реализации функций гаранта безопасности для каждого человека. Государство и многообразные институты ста-

новятся организациями, способными к принудительной реализации властных полномочий, позволяющие сформировать единое и равное положение для граждан. Право оформляет основные принципы справедливости и равенства всех граждан как друг перед другом, так и перед государством. Отсюда предположим, что справедливость также будет составлять одно из аксиологических оснований политических и правовых институтов Нового времени. Известно, что справедливость как этико-юридическое и политическое понятие может быть понято в нескольких значениях. Традиционно выделяется два вида справедливости — воздающая и распределительная. Так, в некоторых исследованиях, посвященных формированию и существованию политических и правовых институтов, утверждается, что в эпоху Нового времени значение распределительной справедливости существенным образом снижается. Л. В. Батиев подчеркивает, что «сфера справедливости ограничивается «направительной» ее частью, суть которой сводится к тому, чтобы соблюдать договоры, воздавать другим то, что им уже принадлежит, выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности» [1, с. 22]. Воздающая версия категоризируется Гоббсом в качестве направительной справедливости, и сводится к формально-юридическому равенству субъектов гражданских отношений. При этом данный вариант справедливости не предполагает уравнительной регламентации действий людей и получаемых ими результатов от непосредственной деятельности. Последнее означает, что субъекты деятельности не обязаны следовать принципу середины: равные субъекты вправе свободно распоряжаться собственностью и выполнять принятые на себя обязательства.

Ценность справедливости в либертарианской концепции политических и правовых институтов реализуется отнюдь не в равном отношении с «равными», но в формальном равенстве прав и свобод человека и гражданина. Здесь имеет смысл обратиться к Н. О. Исмаилову, подчеркивающему, что «индивидуальная свобода есть воплощение основной свободы, свободы как таковой, а все иные ее разновидности можно считать ее расширением, конкретным применением или механизмом гарантии этой основной свободы» [6, с. 20]. В конечном итоге это совершенно не означает, что каждый человек получает равные блага. Это значит, что все люди являются изначально свободными, они являются обладателями равных стартовых возможностей и равных естественных прав, которые даны каждому человеку от природы. Также индивиды являются обладателями изначально данных каждому гарантий возможностей реализовать задатки, которые даны им от природы. При этом в такой системе речь не идет о том, как каждый человек будет пользоваться предоставленными ему природой правами и свобода-

ми и как он реализует свои задатки. Только от самого человека зависит, в какой степени будут реализованы его задатки и возможности. Так реализуется либертарианская концепция справедливости. На основании справедливости формируется система правовых институтов, законодательно закрепляющая равенство всех граждан и их право на самореализацию. В то же время на законодательном уровне закрепляется и справедливость неравного положения разных граждан на основании реализованных ими возможностей.

Еще одно аксиологическое основание политико-правовых институтов Нового времени представляет ценность человека и его свободы. В рамках социально-политических идей мыслителей Нового времени личная свобода признается основной ценностью и мерой права. В.С. Нерсисянц понимает под нормативными актами отражение системы институционально оформленных прав и свобод каждого человека: «право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту» [10]. В свою очередь взгляды Е.Д. Мелешко маркируют ценность свободы ее соотносительностью с законом [8, с. 95]. Таким образом, закон возводит свободу до оппозиции произволу, своеволию, насилию, суть — проявлениям состояния «войны всех против всех». Закон позволяет регламентировать действия человека, реализуя принцип индивидуальных свобод в рамках нормативных актов. Позволим себе заявить, что в реалиях государственно-организованного общества свобода будет являться возможной и действительной исключительно в форме права, обладающим высшей законной силой.

Исходя из приоритетности человека и его свобод как важных аксиологических начал политико-правовых институтов, мы полагаем еще одну ценность — равенства — как основание рассматриваемых нами современных институций. Вполне разумным выглядит убеждение по поводу невозможности быть субъектом

права в изоляции от других людей. Это означает, что генезис права может быть там и только там, где есть субъекты, которые осознают собственные обязанности воздерживаться от нарушений прав другого. Такая трактовка означает следующее: «право возможно только при понимании границ своих поведенческих возможностей и как результат согласования этих границ» [11, с. 60]. Этот подход к пониманию правовой реальности приводит к утверждению о том, что люди должны соотносить собственное поведение согласно одним и тем же стандартам, заложенным в правовых нормах. Такое подчинение всех граждан признает их равенство перед законом, а наличие свобод как условий возможности ответственного выбора социально должного поведения. Традиционно выделяется несколько аспектов правового равенства граждан: равенство субъектов, основанное на их самоопределении и определении своих действий; нормативно-правовое равенство как выражение принципа нормативно-правовых актов; правовое равенство как правовой идеал как возможность признания всех граждан свободными и равными в правах; правовое равенство как равноценность, используемая в системе наказания. Каждый из этих четырех аспектов реализуется в правовых институциях Нового времени, закрепляя за каждым гражданином соответствующие права и обязанности.

Итак, в данной работе была предпринята попытка первого приближения к определению онтологических и аксиологических оснований политико-правовых институтов Нового времени. К онтологическим основаниям можно отнести отсутствие субстанции как источника формирования данных институций в пределах конкретных условий общественного бытия. Кроме того, важными началами выступают человек и его самость. В свою очередь аксиологическими основаниями современных политико-правовых институтов можно считать приоритетность безопасности, равенства, свободы и справедливости, что закладывает качественно новое миропонимание, пришедшее на смену средневековым и возрожденческим убеждениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батиев Л. В. Эволюция правопонимания от Античности до Нового времени (тезисы к истории философии права) // Право и современные государства. — 2014. — № 2. — С. 20–27.
2. Бутенко Н.А. О методологии науки в сочинениях Ф. Бэкона и Р. Декарта // Инновационная наука. — 2016. — № 4–4. — С. 60–62.
3. Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
4. Заиченко Г. А. Джон Локк. — М.: Мысль, 1988. — 206 с.
5. Зотова Л. В. Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2003. — № 4. — С. 55–64.
6. Исмаилов Н. О. Концепция справедливости либертариизма // Научная мысль Кавказа. — 2016. — № 3 (87). — С. 20–25.
7. Липидин Р. Г. Проблемы осмысления категории субъекта в современном гуманитарном знании // Мир человека: нормативное измерение — 4: Гуманитарное знание: Сборник статей международной научной конференции. — Саратов, 2015. — С. 140–145.

8. Мелешко Е. Д. Свобода и равенство как ценностные основания либертарно-правовой теории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2014. — № 2 (173). — С. 93–97.
9. Милицина И. В. Обоснование проблемы самоопределения личности в философии Нового времени // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2012. — № 32 (291). — С. 176–177.
10. Нерсесянц В. С. Право и закон [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lawdiss.org.ua/books/a1583.doc.html> (дата обращения: 21.03.2019)
11. Поляков А. В. Признание права и принцип формального равенства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2015. — № 6 (323). — С. 57–77.
12. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х т. Том 1. — М.: Наука, 1957. — С. 359–618.
13. Юм Д. Сочинения: в 2 тт. — Т. 1. М.: Мысль, 1965. — 847 с.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт